

РАЗДЕЛ IV. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-3-108-116

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МОРФЕМНОМ СОСТАВЕ СЛОВА В БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЯХ (VII–X ВВ.)

Будман Ю.Д.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Эта статья посвящена вопросу формирования представлений о морфемном составе слова в ближневосточных лингвистических традициях в период раннего средневековья (VII–X вв.). Морфология, наряду с фонологией и синтаксисом, интересовала восточных грамматиков уже на заре развития языкознания. Цель исследования – проследить, как возникли и модифицировались представления о значимых частях слова в сирийской, арабской и еврейской лингвистических традициях. Выявляется также, каким образом формировался понятийно-терминологический аппарат морфологии.

Ключевые слова: лингвистические традиции, морфология, консонантный корень, основа, аффиксы, терминология.

THE SEMITIC ROOT: PROCESS OF THE CONCEPT DEVELOPMENT (VIITH–XTH CENT.)

Y. Budman

*Moscow Region State University
10A, Radio st., 105005, Moscow, Russian Federation*

Abstract. One of the key notions for Semitic grammar is the notion of a root. This article is concerned with the development of the concept in the works of Arabic, Hebrew and Syriac linguists during the VIIth – Xth centuries. Morphology was always the field of interest of the Middle Eastern grammarians as well as phonology and syntax. The aim of the presented research is to investigate when the terms for root and affixes emerged in the Middle Eastern linguistics and how they were understood by the medieval authors.

© Будман Ю.Д., 2017.

Key words: linguistic traditions of the Middle East, morphology, consonant root, morphological base, affixes, terminology.

Эта статья посвящена анализу процесса формирования представлений о морфемном составе слова в ближневосточных лингвистических традициях в период раннего средневековья (VII–X вв.). Морфология, наряду с фонологией и синтаксисом, интересовала восточных грамматиков уже на заре развития языкознания. В статье целью анализируется то, каким образом возникли и модифицировались представления о значимых частях слова в сирийской, арабской и еврейской лингвистических традициях. Выявляется также, каким образом формировался понятийно-терминологический аппарат морфологии. Для этого был проведён сравнительный анализ грамматик и толковых словарей, созданных в VII–X вв.

История арабского языкознания хорошо изучена в отечественной и в зарубежной науке. Существует множество работ посвященных как трудам отдельных грамматиков, так и формированию филологической мысли в целом, в том числе труды Джонатана Оуэнса, Кииса Верстига, Рафаэля Талмона, Рамзи Баальбаки. Сирийское языкознание изучено в меньшей степени. основополагающим трудом в этой области до сих пор остается «История сирийской грамматики» Адельберта Меркса, изданная в конце XIX в. Из современных работ следует назвать статьи Жоржа Боа, Дениэла Кинга [30, р. 189], Рафаэля Талмона и Римы Гатовны Рыловой. Исследованиям российских и зарубежных ученых в области еврейского языкознания была посвящена наша статья «Из истории развития еврейской филологической мысли

в X в.: от Са'ади Гаона до Менахема ибн Сарука» [3, с. 10]. При написании статьи широко использовался словарь Са'ади Гаона Нехемии Аллони.

В рамках нашего исследования впервые в отечественном языкознании сопоставляются взгляды представителей трёх ближневосточных лингвистических традиций: сирийской, арабской и еврейской.

Зачатки представления о морфемном составе слова можно найти уже у древних египтян. Подтверждением этому являются остраконы со списками служебных морфем – школьные упражнения [6, с. 12, 13]. Понятие об аффиксах и их роли существовало и у нововавилонских грамматиков (VI–IV вв. до н. э.) [6, с. 24, 25]. Подробно теория словообразования была изложена в грамматике Панини (V в. до н. э.) [6, с. 78; 8, с. 17]. Однако непосредственное влияние индийской науки на работы ближневосточных грамматиков представляется сомнительным, так как первое знакомство арабского мира с индийской культурой относится к началу XI в. [21, р. 126]. К этому времени у арабов, евреев и сирийцев уже существовали развитые теории языка.

На формирование сирийской лингвистической традиции большое влияние оказали идеи Александрийской школы. В VI в. предположительно Иосиф Хузайя перевел на арамейский язык «Искусство грамматики» Дионисия Фракийского [22, р. 65]. И до второй половины XIII в., когда епископ Григорий Бар-Эбрей (1226–1286) адаптировал для арамейского языка арабскую грамматическую модель [22,

р. 226], сирийская филологическая мысль развивалась в русле греческой традиции [15, р. 3]. Исключение составляла грамматика Ильи Тирханского, написанная, как и сочинение Бар-Эбрея, по арабскому образцу [9, с. 172, 176]. Однако эта работа была создана позже рассматриваемого нами исторического периода.

Понятие морфемы было неизвестно грамматикам Александрийской школы. В Античной теории слово делилось на слоги, затем на буквы (причём чёткого разграничения между буквой и звуком не существовало) [1, с. 11]. И так, буква (*gramma*) была минимальным элементом слова. Александрийская школа выдвинула принцип аналогии – единообразного флектирования подобных слов, на котором основывались и сирийские грамматики [1, с. 27]. Но в отличие от античных авторов, у сирийцев существовало представление об основных и дополнительных элементах слова.

Впервые термин *tawseptā*, означавший служебные (дословно, «дополнительные») буквы появился в грамматике Якова Эдесского (ок. 633–708) [28, р. 182]. Эта концепция получила развитие в начале XI в. в грамматике Ильи Нисбийского (975–1046). Он проводил различие между «родовыми» буквами (*gensānāyātā*, от греч. *genos* «род» [10, р. 75]) и «дополнительными» (*mettawspānāyātā*), задача которых «придать слову новое значение» [22, р. 164, 179]. Очевидно, что в сирийской традиции, как и в греческой, буква рассматривается как минимальный элемент слова. Представление о корне, как о целостной морфеме, еще не сформировалось (оно появится только в сочинении Бар-Эбрея).

Подобный подход мы встречаем в Тивериадской масоре (своде указаний, служащим сохранению канонизованного текста еврейской Библии и нормативов его оформления при переписывании [7]): «Знай, что двадцать две буквы [алфавита] делятся на две части: *yēsōdōt* (*yēsōd* – буквально, «основа», «фундамент») и *binyānīm* (*binyān* – «здание», «надстройка»). Эти группы букв называются также *zēkārīm* («самцы») и *nēqēbōt* («самки»)» [13, р. 85]. Функции этих букв не поясняются. Тивериадская масора создавалась на протяжении VII–X вв. несколькими поколениями семьи Бен Ашер и была завершена в X в. Аароном Бен Ашером [7]. Неизвестно, когда именно в ней появилось положение об «основных» и «дополнительных» буквах. Поэтому мы не можем с уверенностью утверждать, что еврейская традиция в данном случае повлияла на сирийскую или наоборот. Возможно, что еврейские и сирийские филологи пришли к этой концепции независимо друг от друга.

Первое письменное упоминание о морфемном составе слова в арабской лингвистической традиции относится к началу VIII в.: Халиль ибн Ахмад, представитель басрийской грамматической школы, выделял в слове основной элемент (*ʾaṣl*) и дополнительные (*zāʾid*), которые могут как выполнять в слове определённую функцию (например, являться маркёром женского рода), так и нет [29, р. 162]. Термин *ʾaṣl* часто переводится как «корень», например, у Дж. Хайвуда [17, р. 29], К. Верстига [31, р. 75], Р. Баальбаки [10, р. 109]. Однако этот перевод условен. Это отмечает и К. Верстиг [31, р. 85]. Термин *ʾaṣl* не тождествен термину «корень» в современном понимании.

В семитских языках корень – это «группа стойких согласных звуков слова, которая выделяется после удаления всех аффиксов и гласных звуков» [5, с. 104]. Так, в еврейских словах *kāṭab* (писать), *kittēḥ* (высекать на камне), *miḳtāb* (письмо), *kaṭābā* (репортаж, заметка), *kētūbā* (брачный контракт), *haḳtābā* (диктант) – общий корень *k-t-b*, имеющий семантику написания. Корневая морфема выделяется путём морфемного анализа и представляет собой лексико-грамматическую абстракцию [5, с. 104].

Рафаэль Талмон выделяет следующие значения термина *ʾaṣl* в «Книге буквы Айн» (толковом словаре Халиля ибн Ахмада):

1. Реконструированная форма: «В слове *al-famu* (рот) *ʾaṣl* – *fawahun*, так как эта форма восстанавливается из глагола *yafīhu* (открывать рот)» [19, р. 50];

2. Исходная форма, от которой образуются производные: «Масдар [отглагольное существительное] является начальной формой глагола (*ʾaṣl al-kalimatatu*)» [29, р. 162];

3. Часть слова, не включающая аффиксы [19, р. 49; 29, р. 162].

Можно таким образом утверждать, что термин *ʾaṣl* в сочинении Халиля ибн Ахмада ближе по значению к современному термину «база» – непродеривированная (или простая) основа, не заключающая в себе никаких аффиксов. Базы, в отличие от корней, реально существуют в языке [5, с. 104, 125]. В «Книге буквы айн» термин *ʾaṣl* также встречается в форме *ʾaṣl al-binaʾ* [19, р. 49] – буквально, «фундамент здания». Поэтому, рассуждая о работе Аль-Халиля, мы пользуемся термином «основа», а не термином «корень».

Халиль ибн Ахмад выделяет в арабском языке четыре типа основ: двухбуквенные, трёхбуквенные, четырёхбуквенные и пятибуквенные. В качестве примера двухбуквенных основ лексикограф приводит только частицы: *hal* (ли), *bal* (но), *qad* (уже), отмечая, что имя существительное не может состоять менее чем из трёх букв.¹ Максимальное число согласных в именной и в глагольной основе – пять. Все остальные элементы дополнительные (*zāʾid*) [19, р. 49; 29, р. 162; 17, р. 29].

Далее Аль-Халиль пишет о том, что одна из трёх букв именной основы может выпадать, как в словах *yad* (рука), *dam* (кровь), *fam* (рот), так как является слабой (*ʾilla*). Однако она может быть восстановлена из других форм слова, а также из слов, образованных от той же основы (как мы видели в примере для слова *fam* выше) [29, р. 50; 17, р. 29]. В еврейской грамматике до конца X в. господствовала противоположная точка зрения, согласно которой выпавшая буква не входит в основу, а является аффиксом. Понятие «слабые буквы» появится только в трудах Иехуды Хаюджа (ок. 940–1000) [11, р. 46; 16, р. 4; 4, с. 1].

Идеи Халиля ибн Ахмада были развиты его учеником Сибавейхи (ок. 760–797) в грамматике «*Al-Kitāb*» («Книга»). Термин *ʾaṣl* использовался Сибавейхи как в значении «основа», «базовая форма» [26, р. 476], так и в значении «буква, входящая в основу» [27, р. 421]. Минимальное число «основных» согласных в слове, по Сибавейхи, – три [27, р. 421; 12, р. 100]. В том же значении («основа» и «основ-

¹ В семитских языках используется консонантное письмо, поэтому, говоря о буквах, авторы имеют в виду только согласные.

ная буква») термин встречается у Аль-Мубаррада (826–898), критика Сибавейхи [14, р. 18; 12, р. 102]. Аль-Фарра (761–822), грамматик куфийской школы, использует термин *ʾaṣl* в значении «базовая форма» [23, р. 20], точно также как Аз-Заджаджи (ок. 892–922) два века спустя [31, р. 234].

Значение «консонантный корень» (т. е. последовательность согласных, общая для однокоренных слов и заключающая в себе определённую идею) термин *ʾaṣl* получает во второй половине X в. в труде «Al-Khasais» («Особенности арабского языка») багдадского грамматика ибн Джинни (941–1002) [8, с. 49; 12, р. 102; 18, р. 6; 24, р. 95; 25, р. 48].

Ознакомившись с взглядами арабских грамматиков на морфемный состав слова, перейдём к работам еврейских филологов. Возникновение грамматики иврита как науки относится к началу X в. и связано с именем Саʿади Гаона (882–942) [3, с. 12]. Несомненно, что он опирался на предшествующую традицию, отражённую в Тивериадской масоре. Помимо этого в сочинениях Саʿади Гаона прослеживается влияние арабской лингвистической мысли [11, р. 160]. В предисловии к толковому словарю «Sefer haegron» в виде мнемонического правила перечислено 11 «дополнительных» букв, присоединяющихся к основе в начале слова. В этот перечень Саʿади Гаон включил не только префиксы, но и однобуквенные частицы, пишущиеся на иврите слитно со следующим словом: *h* (определённый артикль или вопросительная частица), союзы *w* и *š*, предлоги *b*, *k*, *l* и *t* и приставки *ʾ* (*alef*), *y*, *t*, *n*. Буквы *h* и *t* могут выступать также в качестве префиксов. Автор классифицирует эти

элементы по следующему признаку: «Семь из них могут присоединяться как к имени, так и к глаголу (*b*, *š*, *l*, *w*, *t*, *k*, *h*), а четыре – только к глаголу» [11, р. 161]. Эти буквы *ʾ* (*alef*), *y*, *t*, *n* являются префиксами, с помощью которых образуются формы имперфекта. В «Sefer haegron» поясняется функция «дополнительных» букв: различение глагольных времен, образование формы множественного числа, выражение притяжательности [11, р. 161; 2, с. 52]. Современник Саʿади Гаона, Бен Ашер, выделял в языке 12 служебных частиц, не называя их. Предположительно, он относил к ним также букву *t*. Дунаш бен Лабрат (середина X в.) добавлял в этот список букву *d* [13, р. 4]. Сегодня принято считать, что эти буквы не являются аффиксами, а отражают на письме фонетические процессы.

Подобная классификация служебных букв у арабских авторов не выявлена. Она встречается у сирийского грамматика XIII в. Якова бар Шако (ум. 1241) [22, р. 230]. Вероятно, он опирался на труды своего предшественника – Ильи Нисбийского.

В предисловии к словарю «Sefer haegron» сформулировано положение о том, что «основные» буквы (*yèšôdôt*) всегда сохраняются при словоизменении и при словообразовании, тогда как «дополнительные» (*nôšâfôt*) могут исчезать [11, р. 161]. Это положение определяет развитие еврейской грамматики вплоть до конца X в. Если арабские ученые полагали, что корневых букв не может быть меньше трёх, то еврейские филологи признавали существование одно- и двухконсонантных корней. Принцип восстановления «слабых» букв по другим формам слова был им чужд.

Са'адия Гаон пишет, что в каждом слове есть основной (*yēsôd/yēsôdâ*) и дополнительный элементы (*tôsefet/nôsefet*) [11, p. 160]. Здесь уместно провести параллель с арабскими терминами *'ašl* и *zā'id*. Очевидно, Са'адия Гаон был знаком с работами арабских грамматиков, так как в своих сочинениях на арабском языке он использовал термин *'ašl* в значении «основа» [20, p. 75]. Подчеркнем, что автор «Sefer haegron» использует один и тот же термин для обозначения как основы в целом, так и «основной» буквы. Этот же подход мы встречаем в сочинениях арабских лингвистов.

Примечательно, что сирийский и еврейский термины для «дополнительных» букв (*tawseptâ*, *tôsefet*) образованы от одного корня *w(y)-s-p*. Однако это может объясняться языковым родством.

Yēsôd в словаре Са'адии Гаона ещё не представляет собой консонантный корень, как в работах еврейских грамматиков второй половины X в. Это некая исходная форма слова, которая, по мнению автора, не содержит в себе аффиксов. Так, глаголы в «Sefer haegron» приводятся в форме перфекта, инфинитива и юссива [11, p. 67, 68]. Минимальное количество «основных» букв – две. Рав Мевасер Алеви, современник и критик Са'адии Гаона, утверждал, что этот автор ошибочно отнес к категории двухбуквенных глаголов несколько слов, основа которых состоит из одной согласной [11, p. 90–92]. Так в еврейской лингвистической традиции возникает представление о консонантном корне.

Сирийская филологическая мысль отличалась от арабской и еврейской. Для нее нехарактерно было понятие абстрактного корня (см. табл. 1):

Таблица 1

Формирование представлений о морфологическом составе слова в VII–X вв.

Период	Арабы	Евреи	Сирийцы
VII в.	данные отсутствуют		Грамматика Якова Эдесского: «дополнительные» буквы (аффиксы); термин: <i>tawseptâ</i>
VIII в.	«Книга буквы Аин» Халиля ибн Ахмада: основной (<i>'ašl</i>) и дополнительный (<i>zā'id</i>) элементы слова; минимальное число букв в именной основе – три; представление о «слабых» буквах.	Тивериадская масора (VII–X вв.): «основные» и «служебные» буквы. Термины: <i>yēsôdôt</i> (<i>zēḡarîm</i>) и <i>binyānim</i> (<i>nēḡēḇôt</i>).	
	«Al-Kitab» Сибавейхи: термин <i>'ašl</i> получает значение «основная буква». Минимальное число «основных» букв в слове – три. Аль-Фарра: <i>'ašl</i> – «основа».		
IX в.	«Muqtadab» Аль-Мубаррада: <i>'ašl</i> – «основа» и «основная буква».		
X в.	«Al-Jumal» Аз-Заджаджи: <i>'ašl</i> – «основа».	Словарь «Sefer haegron» Са'адии Гаона: основной (<i>yēsôd/yēsôdâ</i>) и дополнительный (<i>tôsefet/nôsefet</i>) элементы слова. Понятие «слабых» букв отсутствует.	
	«Особенности арабского языка» ибн Джинни: термин <i>'ašl</i> обозначает консонантный корень и корневую букву.		

Проведённое исследование того, как складывалось представление о морфемном составе слова в трёх ближневосточных лингвистических традициях, позволяет утверждать, что сирийские лингвисты приходят к понятию об основном и дополнительном элементах слова уже в VII в. – раньше, чем арабские и еврейские грамматики, или, по край-

ней мере, одновременно с ними. Сирийские лингвисты в меньшей степени, чем еврейские, испытали на себе влияние арабской традиции. Понятие абстрактного корня в сирийской грамматике так и не сложилось и было привнесено извне в XIII в. Еврейские филологи заимствовали у арабов понятие корня, но рассматривали его совершенно иначе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Античные теории языка и стиля / отв. ред. О.М. Фрейденберг. М.: ОГИЗ, 1936. 340 с.
2. Балута А.А. Возникновение глагольных имен в индоевропейских и семитских языках (психолингвистический аспект) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2012. №5. С. 51–56.
3. Будман Ю.Д. Из истории развития еврейской филологической мысли в X в.: от Са'адии Гаона до Менахема бен Сарука // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. С. 8–17.
4. Будман Ю.Д. Теория корня в иврите: взгляды грамматиков X в. [Электронный ресурс]: Ломоносов: материалы международного молодежного научного форума. М.: МГУ, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
5. Гранде Б.М. Введение в сравнительное изучение семитских языков. М.: Восточная литература РАН, 1998. 439 с.
6. История лингвистических учений. Древний мир / С.Д. Кацнельсон и др.; отв. ред. С.Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1980. 263 с.
7. Масора [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия: [сайт]. [2005]. URL: <http://www.eleven.co.il/article/12660> (дата обращения: 19.01.2017).
8. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. История науки о языке: учебник. 4-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2011. 376 с.
9. Рылова Р.Г. Общая характеристика грамматики сирийского языка Ильи Тирханского (XI в.) // Семитские языки: материалы Первой конференции по семитским языкам, Москва, 26–28 октября 1964 г. Вып. 2. Ч. 1. М.: Наука, 1965. С. 167–177.
10. A Compendious Syriac dictionary / ed. S.J. Payne. Oxford: Clarendon Press, 1903. 635 p.
11. Allony N. Ha'Egron by Rav Sa'adya Ga'on: critical edition with introduction and commentary. Jerusalem, 1969. 584 p.
12. Baalbaki R. The legacy of the Kitab. Leiden, Boston: Brill, 2008. 338 p.
13. Baer S., Ben Asher A. Dikduke ha-Teamim. Leipzig, 1879. 136 p.
14. Bernardis M. Changing the traditions: Al-Mubarrad's refutation of Sibawayh. Leiden: Brill, 1997. 340 p.
15. Bohas G. Le traitement de la conjugaison du syriaque chez Bar Zo 'bî : une langue sémitique dans le miroir de la grammaire grecque // Parole de l'Orient, 2015. № 40. P. 1–19.
16. Hayuj J. Shlosa sifrey diqduq. Lepzig, 1870. 305 p.
17. Haywood J.A. Arabic lexicography. Leiden: Brill, 1960. 141 p.
18. Ibn Jinni. Al-Khasais. Cairo, 1913. 459 p.
19. Khalil ibn Ahmad. Kitab al-Ayin: in 8 vol. V. 1. Baghdad, 1990. 382 p.
20. Khan G. The early Karaite tradition of Hebrew grammatical thought. Leiden: Brill, 2000. 567 p.
21. Macdonald B.D. Sibawayhi's Arabic grammar // The American journal of Semitic languages and literatures. 1902. Vol. 18. № 2. P. 123–126.

22. Merx A. *Historia artis grammaticae apud Syros*. Leipzig, 1889. 267 p.
23. Owens J. *Early Arabic grammatical theory*. Amsterdam, Philadelphia, 1990. 294.
24. Owens J. *The foundations of grammar: an introduction to medieval Arabic grammar theory*. Amsterdam, Philadelphia, 1988. 371 p.
25. Rubio G. Chasing the Semitic root: the skeleton in the closet // *Aula Orientalis*. 2005. № 23. P. 45–63.
26. Sibawayhi. *Al-Kitab*: in 5 vol. V. 3. Beirut, 2009. 662 p.
27. Sibawayhi. *Al-Kitab*: in 5 vol. V. 4. Beirut, 2009. 492 p.
28. Talmon R. *Jacob of Edessa, the grammarian // Jacob of Edessa and the Syriac culture of his day*. Leiden, Boston: Brill, 2008. 313 p.
29. Talmon R. *Kitab al-Ayn and its attribution to Halil b. Ahmad*. Leiden: Brill, 1997. 419 p.
30. *The foundations of Arabic linguistics: Sibawayhi and early Arabic grammatical theory / ed. A.E. Marogy*. Leiden, Boston: Brill, 2012. 236 p.
31. Versteegh K. *The explanation of linguistic causes*. Amsterdam, Philadelphia, 1995. 298 p.

REFERENCES

1. *Antichnye teorii yazyka i stilya [Ancient theories of language and style]*. Moscow, OGIZ Publ., 1936. 340 p.
2. Baluta A.A. The emergence of verb-names in Indo-European and Semitic languages (psycholinguistic aspect). In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics]*, 2012, no. 5, pp. 51–56.
3. Budman Yu.D. On the history of Jewish linguistic thought in the X century: from Sa adiya Gaon to Menachem Ben Saruka. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics]*. 2016, no. 4, pp. 8–17.
4. Budman Yu.D. The theory of the root in Hebrew: the views of the grammarians of the X century. In: *Lomonosov: materialy mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma. [Lomonosov: proceedings of the international youth scientific forum]*. Moscow: Moscow State University Publ., 2016. (1 CD-ROM).
5. Grande B.M. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie semitskikh yazykov [Introduction to the comparative study of Semitic languages]*. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1998. 439 p.
6. *Istoriya lingvisticheskikh uchenii. Drevnii mir [The history of linguistics. The ancient world]*. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 263 p.
7. Massora. In: *Elektronnaya evreiskaya entsiklopediya [Electronic Jewish encyclopedia]*. Available at: <http://www.eleven.co.il/article/12660> (accessed: 19.01.2017).
8. Nelyubin L.L., Khukhuni G.T. *Istoriya nauki o yazyke [The history of the science of language]*. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ., 2011. 376 p.
9. Rylova R.G. General characteristics of the grammar of the Syrian language Ilya Tiren'skogo (XI century). In: *Semitskie yazyki: materialy Pervoi konferentsii po semitskim yazykam, Moskva, 26–28 oktyabrya 1964 g. [Semitic languages: proceedings of the First conference on Semitic languages, Moscow, October 26–28, 1964]*, no. 2, p. 1. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 167–177.
10. Payne S.J. ed. *A Compendious Syriac dictionary*. Oxford, Clarendon Press, 1903. 635 p.
11. Allony N. *Ha'Egron by Rav Sa'adya Ga'on: critical edition with introduction and commentary*. Jerusalem, 1969. 584 p.
12. Baalbaki R. *The legacy of the Kitab*. Leiden, Boston, Brill, 2008. 338 p.
13. Baer S., Ben Asher A. *Dikduke ha-Teamim*. Leipzig, 1879. 136 p.

14. Bernards M. Changing the traditions: Al-Mubarrad's refutation of Sibawayh. Leiden, Brill, 1997. 340 p.
15. Bohas G. Le traitement de la conjugaison du syriaque chez Bar Zo 'bi: une langue sémitique dans le miroir de la grammaire grecque. In: *Parole de l'Orient*, 2015, no. 40, pp. 1–19.
16. Hayuj J. Shlosa sifrey diqduq. Lepzig, 1870. 305 p.
17. Haywood J.A. Arabic lexicography. Leiden, Brill, 1960. 141 p.
18. Ibn Jinni. Al-Khasais. Cairo, 1913. 459 p.
19. Khalil ibn Ahmad. Kitab al-Ayin. Vol. 1. Baghdad, 1990. 382 p.
20. Khan G. The early Karaite tradition of Hebrew grammatical thought. Leiden, Brill, 2000. 567 p.
21. Macdonald B.D. Sibawayhi's Arabic grammar. In: *The American journal of Semitic languages and literatures*, 1902, vol. 18, no. 2, pp. 123–126.
22. Merx A. Historia artis grammaticae apud Syros. Leipzig, 1889. 267 p.
23. Owens J. Early Arabic grammatical theory. Amsterdam, Philadelphia, 1990. 294 p.
24. Owens J. The foundations of grammar: an introduction to medieval Arabic grammar theory. Amsterdam, Philadelphia, 1988. 371 p.
25. Rubio G. Chasing the Semitic root: the skeleton in the closet. In: *Aula Orientalis*, 2005, no. 23, pp. 45–63.
26. Sibawayhi. Al-Kitab. V. 3. Beirut, 2009. 662 p.
27. Sibawayhi. Al-Kitab. V. 4. Beirut, 2009. 492 p.
28. Talmon R. Jacob of Edessa, the grammarian. In: *Jacob of Edessa and the Syriac culture of his day*. Leiden, Boston, Brill, 2008. 313 p.
29. Talmon R. Kitab al-Ayn and its attribution to Halil b. Ahmad. Leiden, Brill, 1997. 419 p.
30. Marogy A.E., ed. The foundations of Arabic linguistics: Sibawayhi and early Arabic grammatical theory. Leiden, Boston, Brill, 2012. 236 p.
31. Versteegh K. The explanation of linguistic causes. Amsterdam, Philadelphia, 1995. 298 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Будман Юлия Дмитриевна – аспирант кафедры теории языка и англистики Московского государственного областного университета;
e-mail: judebudman@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia D. Budman – postgraduate student at the Language Theory and Anglistics Department in Moscow Region State University;
e-mail: judebudman@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Будман Ю.Д. К вопросу о формировании представления о морфемном составе слова в ближневосточных лингвистических традициях (VII–X вв.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 3. С. 108–116.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-3-108-116

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

Y. Budman. The semitic root: process of the concept development (VIIth–Xth cent.). In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Linguistics. 2017, no. 3, pp. 108–116.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-3-108-116